

Информация для читателей

Интервью для этой книги брались в соответствии с железным правилом «без указания источника». Иначе говоря, я смогу использовать информацию полностью, но без раскрытия ее происхождения. Книга опирается на бесчисленные интервью с непосредственными участниками и свидетелями событий, суммарная продолжительность которых составляет сотни часов. Практически всегда мне позволяли записывать разговор, поэтому изложение событий в книге довольно точное. Когда я приписываю цитаты, соображения или выводы участникам интервью, можно не сомневаться в том, что они принадлежат конкретным лицам, моим коллегам или взяты из заметок о встречах, дневников, правительственных или личных документов*.

Президент Трамп отказался дать интервью для моей книги.

* В русском издании в кавычках приводятся только цитаты, выделенные автором, в полном соответствии с оригиналом. — *Прим. ред.*

Пролог

Как-то раз в начале сентября 2017 г. на восьмом месяце пребывания Трампа на посту президента в Овальный кабинет вошел и, озираясь, приблизился к президентскому столу Гэри Кон, бывший президент Goldman Sachs, а ныне главный экономический советник в Белом доме.

За 27 лет работы в Goldman Кон — высокий (190 см), лысый, бесцеремонный и уверенный в себе человек — сумел сделать миллиарды для своих клиентов и сотни миллионов для себя. Он присвоил себе право входить в Овальный кабинет в любой момент, и президент согласился с этим.

На столе лежала страничка с проектом письма президента США в адрес президента Южной Кореи с уведомлением о расторжении Соглашения о свободной торговле между Соединенными Штатами и Кореей, известного как KORUS.

Кон был в смятении. Трамп несколько месяцев подряд грозил выйти из соглашения, этой основы экономических взаимоотношений, военного сотрудничества и, что самое главное, секретных разведывательных операций.

По договору, заключенному еще в 1950-е гг., Соединенные Штаты держали на юге страны 28 500 военнослужащих и управляли осуществлением сверхсекретных программ (известных как Special Access Programs, или SAP) в области разведки и вооружений. Северокорейские МБР с ядерными боеголовками вполне могли теперь достать до территории США. Ракета, запущенная с территории Северной Кореи, достигала Лос-Анджелеса через 38 минут.

Программы SAP позволяли Соединенным Штатам обнаруживать пуск МБР в Северной Корее всего через семь секунд.

Средствам разведки, размещенным на Аляске, для этого требовалось 15 минут — умопомрачительная разница.

Способность обнаружить пуск через семь секунд давала американским военным время, чтобы сбить ракету. Такую способность без преувеличения следует считать наиважнейшей для США. Американское присутствие в Южной Корее является основой национальной безопасности.

Выход из соглашения KORUS, которое Южная Корея считает принципиально важным для своей экономики, может привести к полному разрушению взаимоотношений. Кон не мог поверить в то, что президент Трамп решится потерять такой жизненно важный для национальной безопасности США разведывательный актив.

Все началось с негодования Трампа по поводу того, что Соединенные Штаты, у которых годовой дефицит в торговле с Южной Кореей составлял \$18 млрд, должны тратить \$3,5 млрд в год на содержание своих военных в этой стране.

Несмотря на практически ежедневные сообщения о хаосе и разногласиях в Белом доме, широкая публика не знает, насколько ужасна реальная ситуация там. Трамп постоянно меняет свою позицию, редко останавливается на чем-то одном и действует непоследовательно. Он часто бывает не в духе, его выводит из себя любая серьезная вещь или мелочь, и от него постоянно слышатся угрозы в адрес KORUS: «Мы выходим из соглашения сегодня же».

Однако теперь появилось письмо от 5 сентября 2017 г. — потенциальный триггер катастрофы в сфере национальной безопасности. Кон опасался, что Трамп подпишет письмо, если увидит его.

Кон взял письмо со стола и положил в синюю папку с надписью «В архив».

«Я украл его, — сказал он позднее коллеге. — Я не мог допустить, чтобы он увидел его. Он никогда не увидит этот документ. Я должен был защитить страну».

В обстановке анархии и беспорядка, царившей в Белом доме, и в силу своего характера Трамп так и не заметил пропажи письма.

Обычно за подготовку писем вроде того, что было адресовано президенту Южной Кореи, отвечал Роб Портер, глава секретариата Белого дома и организатор президентского делопроизводства. Однако в этот раз, как это ни удивительно, проект письма поступил Трампу по неизвестному каналу. Глава секретариата — одна из скромных, но очень важных ролей в Белом доме. Портер информировал Трампа о решениях и других документах, включая самые деликатные разрешения на проведение военных акций и тайных операций ЦРУ.

Портер, высокий (192 см), тощий, как жердь, 40-летний мужчина, воспитанный как мормон, был одним из незаменимых исполнителей — канцеляристом без намека на бахвальство, который окончил Гарвард, Гарвардскую школу права, и получал стипендию Родса.

Впоследствии Портер обнаружил еще несколько экземпляров проекта письма и постарался вместе с Коном, чтобы ни один из них не остался на столе президента.

Кон и Портер действовали сообща в стремлении не допустить принятия Трампом решений, которые они считали наиболее опасными. Это письмо и другие подобные ему документы просто исчезали. Когда к Трампу на стол ложился очередной проект для утверждения, Кон при удобном случае изымал его, и президент забывал о вопросе. Но если проект оставался на столе, то Трамп подписывал его. «Мы делаем это не ради страны, — сказал Кон в частной беседе. — Мы делаем это ради него самого».

Это ни больше ни меньше как административный переворот, покушение на свободу действий президента Соединенных Штатов и его конституционную власть.

В дополнение к координированию политических решений и графиков и организации документооборота для президента

ПРОЛОГ

Портер, по его словам, «пытается реагировать на реально опасные идеи президента и старается убедить его в том, что они не очень хороши».

Другая стратегия заключается в запаздывании, оттягивании времени, ссылок на законодательные ограничения. Юрист Портер говорит: «Намеренное затягивание дел, замалчивание некоторых вопросов или информирование о том — как констатация факта, а не оправдание, — что вопрос требует проверки или более тщательной проработки или что у нас нет разрешения юрисконсульта, случаются в 10 раз чаще, чем кража документов с его стола. Мы постоянно ходим по краю пропасти».

Бывают дни и даже недели, когда все вроде бы находится под контролем и можно отступить на пару шагов от края пропасти. «Но иногда мы срываемся вниз, и как-то надо выбираться. Такое впечатление, что ты всегда ходишь по краю».

Хотя Трамп ни разу не вспомнил о пропавшем письме от 5 сентября, он никогда не забывал о том, что хотел сделать с соглашением о торговле. «После этого письма попытки разорвать соглашение предпринимались еще несколько раз», — сказал Портер своему коллеге.

Позднее на совещании в Овальном кабинете состоялось жаркое обсуждение соглашения с Южной Кореей. «Мне все равно, — заявил Трамп. — Я устал от этих доводов! Я не хочу больше слышать об этом. Мы выходим из KORUS». И он начал диктовать новое письмо.

Джаред Кушнер, зять президента, воспринял слова Трампа совершенно серьезно. Джаред, 36 лет от роду, старший советник Белого дома, имел завидную выдержку и почти аристократическую осанку. Он был женат с 2009 г. на Иванке, дочери Трампа.

Так вот, Джаред, который сидел ближе всего к президенту, начал записывать то, что диктовал Трамп. Президент дал ему указание закончить письмо и принеси его на подпись.

Пока Джаред занимался превращением слов президента в законченное письмо, информация об этом дошла до Портера.

«Пришлите мне черновик, — сказал он. — Если уж мы решились на это, то все нужно сделать как следует, а не на обороте салфетки. Нужно написать так, чтобы не поставить себя в неловкое положение».

Кушнер прислал черновик на бумаге. Пользы от этого было немного. Портер и Кон что-то набирали на клавиатуре, демонстрируя свое усердие. Трамп ожидал немедленного исполнения задания. Они не могли появиться с пустыми руками. Черновик был частью увертки.

На официальном совещании противники выхода из KORUS приводили все мыслимые доводы — Соединенные Штаты никогда не выходили из соглашений о свободной торговле; существуют проблемы, связанные с юридической стороной вопроса, геополитикой, жизненно важными аспектами национальной безопасности и разведки; письмо еще не готово. Они давили на президента фактами и логикой.

«Хорошо, тогда продолжайте работать над письмом, — сказал Трамп. — Я хочу увидеть новый вариант».

У Кона и Портера не было другого варианта. Президенту показывать было нечего. Проблема на какое-то время ушла из поля зрения Трампа, он занялся другими вопросами.

Однако дело с KORUS нельзя было пускать на самотек. Кон переговорил с министром обороны Джеймсом Мэттисом, отставным генералом, который имел, пожалуй, наибольший авторитет в кабинете Трампа. Генерал Мэттис, участник боевых действий, прослужил 40 лет в корпусе морской пехоты. При росте 175 см он походил на истукана и вел себя как человек, пресыщенный жизнью.

«Мы балансируем на грани, — сказал Кон министру. — Без поддержки нам не обойтись».

ПРОЛОГ

Мэттис старался по возможности держаться подальше от Белого дома и предпочитал заниматься военными вопросами, однако, осознав угрозу, он все же появился в Овальном кабинете.

«Господин президент, — сказал он, — Ким Чен Ын представляет прямую угрозу для нашей национальной безопасности. Южная Корея нужна нам как союзник. Может показаться, что торговля не имеет отношения ко всему этому, но она принципиально важна». Американские военные и разведывательные силы и средства в Южной Корее — основа нашей защиты от Северной Кореи. Пожалуйста, не выходите из соглашения.

С какой стати США должны тратить \$1 млрд в год на систему противоракетной обороны Южной Кореи, прозвучало в ответ. Трампа приводила в бешенство система перехвата ракет средней дальности THAAD, и он угрожал вывести ее из Южной Кореи и разместить в Портленде, штат Орегон.

«Мы делаем это не для Южной Кореи, — сказал Мэттис. — Мы помогаем Южной Корее потому, что она помогает нам».

Президент, казалось, согласился, но только на мгновение.

В 2016 г. кандидат Трамп так сформулировал для меня и Боба Косты задачу президента: «Больше, чем что-либо другое, это обеспечение безопасности нашей страны... Это задача номер один, два и три... Военная мощь, экономическая сила, защита нашей страны от нанесения ущерба извне. И разумеется, для меня это всегда будет стоять на первом месте».

В реальности же Соединенные Штаты в 2017 г. оказались во власти эмоционально взвинченного, эксцентричного и непредсказуемого лидера. Члены его аппарата сплотились с тем, чтобы целенаправленно блокировать самые опасные, на их взгляд, импульсивные действия президента. Это было своего рода нервное расстройство исполнительной власти самой могущественной страны в мире.

Именно об этом и пойдет речь дальше.

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Г л а в а

1

В августе 2010 г., за шесть лет до того, как он стал руководителем победоносной избирательной кампании Дональда Трампа, 57-летнему продюсеру политических фильмов правого толка Стиву Бэннону позвонили.

«Что ты делаешь завтра?» — прозвучал вопрос. Это был Дэвид Босси, консервативный активист, который занимался охотой на скандалы вокруг Билла и Хиллари Клинтон уже чуть ли не два десятилетия.

«Будто ты не знаешь, — ответил Бэннон, — я монтирую эти гребаные фильмы для тебя».

В 2010 г. должны были пройти промежуточные выборы в конгресс. Движение «Чаепитие» было на пике, и республиканцы заметно активизировались.

«Дейв, у нас на выходе еще два фильма. На мне монтаж. Работаю по 20 часов в день в комитете “Объединенные граждане”». Этот консервативный комитет политических действий, возглавляемый Босси, буквально лепил антиклинтоновские фильмы.

«Ты можешь приехать ко мне в Нью-Йорк?»

«Зачем?»

«Встретиться с Дональдом Трампом», — сказал Босси.

«Для чего?»

«Он собирается баллотироваться на пост президента», — сказал Босси.

«В какой стране?» — поинтересовался Бэннон.

Нет, серьезно, — не отступал Босси, который уже несколько месяцев работал с Трампом. — Трамп предлагает встретиться.

«У меня нет возможности тратить время впустую, чувак, — сказал Бэннон. — Дональд Трамп никогда не станет президентом. Брось. Против Обамы? Забудь об этом. У меня нет времени на всякую хрень».

«Ты не хочешь встретиться с ним?»

«Нет, он мне совершенно неинтересен». Трамп как-то раз дал получасовое интервью для воскресной радиопрограммы The Victory Sessions, которую Бэннон вел в Лос-Анджелесе и называл «радиопрограммой для думающих».

«Этого парня нельзя принимать всерьез», — сказал Бэннон.

«А я думаю, что можно», — возразил Босси. Трамп был телезнаменитостью и вел популярное шоу The Apprentice, которое на протяжении нескольких недель занимало первое место на канале NBC. «Нам совсем не вредно встретиться с ним».

В конце концов Бэннон согласился приехать в Нью-Йорк и прийти на встречу в Trump Tower.

Они поднялись в конференц-зал на 26-м этаже. Трамп тепло поздоровался с ними, и Босси сказал, что у него есть детальная презентация. Она была учебной.

Первая часть, по его словам, показывала, как нужно проводить первичные выборы, чтобы обеспечить победу. Вторая часть объясняла, как в выборной гонке за пост президента противостоять Бараку Обаме. Босси описал стандартные стратегии борьбы за голоса, процесс и проблемы. Он был респектабельным республиканцем-консерватором, сторонником

Действительно до принятия решения

5 сентября 2017 г.

Его превосходительству Мун Чжэ Ину
президенту Республики Корея
Синий дом
Сеул
Республика Корея

Его превосходительству Ким Хен Чону
министру торговли
Министерство торговли, промышленности и энергетики
402 Ханнури Дазэро
Седжон 30118
Республика Корея

Уважаемые господа:

Соглашение о свободной торговле между Соединенными Штатами и Кореей (далее — Соглашение) в его нынешней форме не в полной мере отвечает интересам экономики Соединенных Штатов. В связи с этим в соответствии со Статьей 24.5 Соглашения Соединенные Штаты настоящим уведомляют вас о своем намерении расторгнуть Соглашение. Как предписывается положениями Статьи 24.5, Соглашение прекращает действовать через 180 дней с даты настоящего уведомления. В течение этого периода Соединенные Штаты готовы провести с Республикой Корея переговоры по экономическим вопросам, представляющим интерес для обеих сторон.

С уважением,

Дональд Трамп,
президент США

Роберт Лайтхайзер,
торговый представитель США

В архив

Проект письма от 5 сентября 2017 г. в адрес президента Южной Кореи с уведомлением о расторжении Соглашения о свободной торговле между Соединенными Штатами и Кореей. Гэри Кон убрал письмо со стола президента Трампа в Овальном кабинете, с тем чтобы не допустить его подписания и отправки

ограничения полномочий правительства, и движение «Чаепитие» стало для него неожиданностью.

Это, по словам Босси, был важный момент в американской политике: популизм «Чаепития» захватывал страну. У простого человека прорезался голос. Популизм, рожденный в низах, менял политический порядок в пользу простых людей.

«Я — деловой человек, — напомнил им Трамп. — Я не профессиональный политический карьерист».

«Если вы собираетесь баллотироваться на пост президента, — сказал Босси, — то вам нужно многое узнать о мелочах и о вещах посерьезнее». Мелочи — это сроки подачи заявок, правила штатов для праймериз. «Вам нужно знать, какой стороны в политике придерживаться и как завоевывать голоса делегатов». Однако сначала, как Босси выразился, «вы должны понять суть консервативного движения».

Трамп кивнул.

«У вас проблемы с некоторыми вещами», — заявил Босси.

«Нет у меня никаких проблем, — возразил Трамп. — Что вы имеете в виду?»

«Начнем с того, что у республиканцев никогда не побеждает тот, кто не выступает против абортот, — сказал Босси. — А вы, к сожалению, слишком прочойс*».

«Что это означает?»

«У вас репутация человека, поддерживающего сторонников абортот — прочойс-кандидатов. Вы делали заявления на этот счет. Вам нужно быть пролайф** — против абортот».

«Я против абортот, — возразил Трамп. — Я пролайф».

«Но репутация у вас другая».

* Pro-choice (англ.) — «За право выбора» — движение в поддержку легализации абортот в США. — Прим. науч. ред.

** Pro-life (англ.) — «За жизнь» — движение за запрет абортот. — Прим. науч. ред.

«Это можно исправить, — сказал Трамп. — Вы просто скажите мне, что нужно делать. Я — как вы назвали это? — да, пролайф. Я — пролайф, говорю вам».

Бэннона поразили артистизм Трампа, и это впечатление лишь усиливалось по мере продолжения разговора. Трамп был активен и находчив. Он находился в превосходной физической форме. Он воспринимался не как обычный человек — он заполнял все помещение, он командовал ситуацией. В нем определенно было что-то. Одновременно он походил на парня в баре, дающего интервью тележурналисту. Эдакий парень с улицы, из Куинса. По классификации Бэннона Трамп был Арчи Банкером*, только очень собранным.

«Вторая серьезная вещь, — продолжил Босси, — это ваше голосование».

«Что вы имеете в виду под моим голосованием?»

«Как часто вы голосуете».

«О чем вы говорите?»

«Ну, — сказал Босси, — это праймериз республиканцев».

«Я всегда голосую, — уверенно сказал Трамп. — Я голосую на всех выборах с тех пор, как мне исполнилось 18 или 20 лет».

«Нет, это не то. Знаете, есть публичные данные о вашем голосовании». У Босси, занимавшегося расследованиями в конгрессе, была куча всяких данных.

«Они не знают, как я голосую».

«Нет, нет, нет, не как вы голосуете. А как часто вы голосуете».

Бэннон понял, что Трамп не знает самых элементарных вещей о политике.

«Я голосую всегда», — настаивал Трамп.

* Арчи Банкер — персонаж популярного американского ситкома 1970-х гг. All in the Family, олицетворение «простого американца» из Куинса, которому свойственны проявления нетерпимости, расовые, гендерные и социальные предрассудки. — *Прим. науч. ред.*

«Фактически за всю свою жизнь вы никогда не голосовали на предварительных выборах, кроме одного раза», — процитировал свои записи Босси.

«Это полная хрень, — заявил Трамп. — Абсолютное вранье. Каждый раз, когда была возможность голосовать, я голосовал».

«Вы голосовали на предварительных выборах только один раз, — сказал Босси. — Это было примерно в 1988 г. на номинации кандидата от Республиканской партии».

«И правда, — сказал Трамп, поворачиваясь на 180°. — Я отдал голос за Руди». Джулиани баллотировался на пост мэра в 1989 г. «Это оно?»

«Да».

«А я забыл об этом», — сказал Трамп.

«Может быть, это не имеет значения, — заметил Босси, — а может быть, и имеет. Если вы собираетесь двигаться вперед, нужно действовать методично».

Теперь настала очередь Бэннона. Он начал с того, что лежит в основе движения «Чаепитие» и что не нравится элитам. Популизм предназначен для простых людей, которые знают, что системой манипулируют. Он направлен против кумовского капитализма и инсайдерских сделок, которые пьют кровь рабочих.

«Мне нравится это. Я именно такой, — сказал Трамп, — я популярист». — Он искажил слово.

«Нет, нет, — поправил его Бэннон. — Популист».

«Да, да, — уперся Трамп. — Популярист».

Бэннон сдался. Он подумал было, что Трамп не понял слова. Однако, возможно, тот вкладывал в него свой собственный смысл — пользующийся популярностью у людей. Бэннон знал, что слово «популярист» было старой формой слова «популист», распространенной среди неинтеллектуальной части публики.

Через час после начала встречи Босси сказал: «У нас еще одна серьезная проблема».

«Что еще?» — спросил Трамп чуть более настороженно.

«Ну, — сказал Босси, — 80% пожертвований, которые вы сделали, были направлены демократам». С точки зрения Босси, это была самая большая политическая промашка Трампа, однако он не стал распространяться на эту тему.

«Чушь собачья!»

«Так гласят публичные данные», — сказал Босси.

«И на этот счет есть публичные данные!» — выпалил Трамп в полном изумлении.

«О каждом пожертвовании, которое вы когда-либо делали». Публичное раскрытие всех политических взносов было общепринятой нормой.

«Я всегда делю деньги поровну», — сказал Трамп. По его словам, он делил пожертвования между кандидатами от обеих партий.

«Вы жертвовали порядочно. Но 80% шло демократам. Чикаго, Атлантик-Сити...»

«Я был вынужден делать это, — сказал Трамп. — Всеми этими городами управляют гребаные демократы. Если вы хотели строить гостиницы, нужно было подмазывать их. Именно они доставали меня».

«Послушайте, — вступил в разговор Бэннон, — Дейв вот что хочет сказать. Если действовать под флагом движения “Чаепитие”, то проблема будет в том, что они осуждают. В том, что парни вроде вас как раз и занимаются инсайдерскими сделками».

«Я справлюсь с этим, — сказал Трамп. — Это все подстроено. Это мошенническая система. Эти ребята разводят меня уже много лет. Я не хочу им ничего давать. А они все приходят. Если не выпишешь чек...»

По словам Трампа, в Куинсе был политик — «эдакий браток с бейсбольной битой. Если ты туда идешь, то нужно отстегнуть ему что-нибудь, обычно наличными. Если ничего не дать, то никаких дел не будет. Построить не удастся ничего. Но если

туда заходишь и оставляешь ему конверт, то все идет как надо. Такая система. Но я могу исправить это».

Босси сказал, что у него есть дорожная карта. «Это консервативное движение. “Чаепития” приходят и уходят. Популизм приходит и уходит. А у консервативного движения прочный фундамент со времен Голдуотера».

Второе, что я посоветовал бы, — продолжил он, — это вести кампанию так, словно вы баллотируетесь на место губернатора в трех штатах — Айова, Нью-Гэмпшир и Южная Каролина. Они первыми проводят партийно-фракционные собрания, это главные штаты. «Выступайте под флагом местных проблем, будто хотите быть их губернатором». Многие кандидаты совершают огромную ошибку, пытаясь баллотироваться в 27 штатах. «Пройдите через три избирательные гонки за пост губернатора, и вы попадете в яблочко. Сфокусируйтесь на трех штатах. Покажите в них хороший результат. А остальное приложится».

«Я могу быть кандидатом, — сказал Трамп. — Я могу сделать этих парней. Меня не волнует, кто они. У меня получится. А об остальном я позабочусь».

К каждой позиции можно вернуться, пересмотреть.

«Я пролайф, — сказал Трамп. — Я готов начать».

«Вот что вам нужно сделать, — сказал Босси. — Вам нужно вручить индивидуальные чеки на общую сумму \$250 000–500 000 конгрессменам и сенаторам. Все они будут приходить сюда. Загляните им в глаза, пожмите руку. Вам нужно вручить им чек. Потому что нам необходимо закрепиться. Это нужно делать один на один, чтобы ребята понимали, что к чему. Потом эти установленные взаимоотношения станут как минимум отправной точкой».

Босси продолжил: «Нужно сказать: “Этот чек для вас”. Максимальная сумма — \$2400. Это должны быть индивидуальные чеки, деньги на их политическую кампанию, чтобы они понимали — это деньги от вас лично. Республиканцы

после этого будут знать, что ваши намерения совершенно серьезны».

Все эти деньги, по словам Босси, были центральной частью политической борьбы на президентских выборах. «Позднее это принесет огромные дивиденды». Давать нужно кандидатам-республиканцам в таких колеблющихся штатах, как Огайо, Пенсильвания, Вирджиния и Флорида.

В дополнение Босси сказал: «Вам надо сделать политическую книгу. Просто необходимо сделать книгу о том, что вы думаете об Америке и этой политике».

Бэннон рассказал о Китае и его успешной политике вывода рабочих мест и денег из Соединенных Штатов. Его пунктиком была китайская угроза.

«Так что ты думаешь?» — Босси спросил Бэннона позднее.

«Этот парень произвел на меня довольно сильное впечатление», — ответил Бэннон. Что касается президентской гонки, то «шансы нулевые. Начать хотя бы с тех двух необходимых действий. Этот тип не выпишет ни одного чека. Он не из тех, кто выписывает чеки. Он привык ставить подпись на обороте чека», когда получает плату за что-нибудь.

«Хорошо, что ты сказал это, поскольку он и в самом деле никогда не выпишет чека».

«Ну а что скажешь о политической книге?»

«Он никогда не сделает политическую книгу. Не гони. Прежде всего, никто не купит ее. В общем, пустая трата времени, если не считать того, что это было страшно занятно».

Босси сказал, что попытался бы поднатаскать Трампа, если бы тот действительно решил баллотироваться. У Трампа была уникальная особенность: он никаким боком не касался политического процесса.

Пока они шли, Босси размышлял, выстраивая логическую цепочку, которую шесть лет спустя будет строить большинство американцев. Он никогда не баллотировался. Он никогда не регистрировался в качестве кандидата. Он никогда

ГЛАВА 1

не объявлял о намерении баллотироваться. Он никогда не подавал декларацию о доходах. Так? Он никогда не делал ничего похожего. Он никогда не победит.

«Думаешь, он будет баллотироваться?» — Босси наконец спросил Бэннона.

«Даже не мечтай. Шансы — нуль, — ответил Бэннон. — Даже меньше нуля. Посмотри на его образ жизни, чувак, давай. Он не пойдет на это. Не согласится потерять лицо».

Г л а в а

2

Шесть лет спустя

Почти наверняка, если бы события не развернулись таким маловероятным, стихийным, безалаберным образом, мир сегодня был совсем другим. Дональд Трамп стал кандидатом от республиканцев 21 июля 2016 г., а его путь к президентскому креслу резко изменил направление 13 августа 2016 г.

Стив Бэннон, теперь руководитель ультраправого новостного ресурса Breitbart News, сидел на скамейке в нью-йоркском Брайант-парке с кипой газет, совершая свой субботний ритуал. Сначала он пролистал *Financial Times*, а потом перешел к *New York Times*.

«Окружение Трампа не в силах сдержать его язык» — гласил заголовок на первой полосе газеты. До выборов президента оставалось три месяца.

«Боже мой», — подумал Бэннон.

Авторы статьи говорили, что у них есть 20 неназванных источников информации, близких к Трампу или связанных с его кампанией. Трамп был представлен в статье как растерянный, выдохшийся, упрямый, склонный к необдуманным поступкам человек, у которого проблемы с жертвователями.

У него шаткая позиция во Флориде, Огайо, Пенсильвании и Северной Каролине — колеблющихся штатах, которые решают исход выборов. Портрет был отвратительным, и Бэннон знал, что он соответствует действительности. По его расчетам, Трамп мог уступить кандидату демократов, Хиллари Клинтон, не меньше 20 пунктов.

Без сомнения, Трамп был подходящим зрелищем для средств массовой информации, однако он не выходил за рамки того, что предоставлял Национальный комитет Республиканской партии. Бэннон знал, что кампанией Трампа занималась горстка людей, умещавшихся в одной комнате, — спичрайтер и команда примерно из шести человек, которая организовывала митинги на самых дешевых площадках, зачастую в старых, замызганных спортивных залах или на хоккейных аренах по всей стране.

Несмотря на это, Трамп опередил 16 других кандидатов от Республиканской партии и был крупной, вульгарной, провоцирующей фигурой первого плана, которая привлекала внимание всей страны.

Бэннон, которому исполнилось уже 63 и у которого со времен окончания Гарвардской школы бизнеса были националистические, ультрапатриотические взгляды, позвонил Ребеке Мерсер.

Мерсер и ее семья были одним из крупнейших и самым неоднозначным источником денег для Республиканской партии. А деньги были двигателем американской политики. Мерсеры находились на задворках, но деньги обеспечивали им место за столом. К тому же они владели долей в Breitbart.

«Это плохо, поскольку мы же потом окажемся виноватыми», — сказал Бэннон. Breitbart стоял за Трампа в его самые тяжелые моменты. «Это может стать концом для Breitbart».

«А почему бы тебе не вмешаться?» — ответила Ребека.

«В жизни не занимался избирательными кампаниями», — возразил Бэннон. Даже близко не стоял. Сама идея абсурдна.

«Этот тип, Манафорт, просто катастрофа, — продолжила она, имея в виду Пола Манафорта, руководителя кампании Трампа. — Кампанией сейчас никто не руководит. Трамп прислушивается к тебе. Ему всегда нужен надзор со стороны старших».

«Послушай, — сказал Бэннон, — Я могу, конечно, согласиться. Но с какой стати он пойдет на это?»

«Он аутсайдер с самого начала, — сказала Ребека, намекая на статью в *New York Times*. — Все делается в панике». Короче говоря, Трамп мог пригласить Бэннона потому, что он был в отчаянном положении.

Мерсеры связались с Трампом, который направлялся в Ист-Хэмптон, Лонг-Айленд, к Вуди Джонсону, владельцу футбольной команды *New York Jets*. Обычно Мерсеры выписывали чеки и говорили, что не будут встречаться с кандидатом. Но на этот раз они потребовали 10-минутной встречи с Трампом.

В небольшой солнечной комнате Ребека, высокая рыжеволосая женщина, отбросила все условности. Ее отец, Боб Мерсер, высоколобий математик, хранил молчание. Он был одним из мозговых центров невероятно успешного хедж-фонда, *Renaissance Technologies*, в управлении которого находились \$50 млрд.

«Манафорт должен уйти», — сказала она Трампу. По ее словам, он только создавал хаос.

«Кого вы рекомендуете?» — спросил Трамп.

«Стива Бэннона», — ответила она.

«Ему не справиться».

Он «определенно» справится, прозвучало в ответ.

Бэннон связался с Трампом тем же вечером.

«Эти вещи в газете просто неприличны, — сказал Бэннон, подразумевая статью в *New York Times*. — Вы совсем не такой.

Мы можем исправить это. Мы должны одолеть их. Это ведь Хиллари Клинтон, не сомневайтесь».

Трамپ прошелся по Манафортау. «Он слишком негибкий», — сказал он. Он не может эффективно работать с телевидением.

«Давайте встретимся завтра и поработаем вместе. Мы сможем сделать это, — выпалил Бэннон. — Но будем действовать спокойно».

Трамп согласился встретиться на следующее утро, в воскресенье.

Другой обеспокоенной политической фигурой в тот день был Райнс Прибус, 44-летний председатель Национального комитета Республиканской партии и висконсинский адвокат. Прибус на протяжении пяти лет играл роль главного пропагандиста и человека, устанавливающего связи. За внешней приветливостью в нем крылся строитель империи. Прибус принимал решения по партийным финансам, нанимал исполнителей (под его началом трудились 6500 платных работников), регулярно появлялся на телеэкране и имел собственный отдел по связям с общественностью. Так вот, он оказался в неловком положении.

В душе Прибус считал август полной катастрофой: «Постоянное поджаривание, которое никак не проходит». И виноват в этом был кандидат Трампа.

Прибус пытался направлять кампанию с самого начала. Когда Трампа назвал мексиканцев «насильниками» во время речи, объявляющей его вступление в гонку, 16 июня 2015 г., Прибус позвонил ему и сказал: «Нельзя говорить такие вещи. Привлечение испаноговорящего населения на свою сторону стоит нам очень больших трудов».

Но Трамп не унимался, более того, он нападал на любого, кто нападал на него. Ни у одного председателя общенациональной партии еще не было такой головной боли, как Трамп.

Сенатор Митч Макконнелл, пронырливый лидер республиканского большинства, без лишнего шума позвонил Прибусу.

Смысл его звонка был следующим: забудьте о Трампе, перебросьте республиканские деньги нам, сенатским кандидатам, и перекройте Дональду Трампу денежный кран.

Однако Прибус хотел сохранить отношения с Трампом и решил занять твердую позицию между Трампом и Макконнеллом. Это будет тактически правильно, думал он. Выживание партии и мое собственное. Он сказал Трампу: «Я с вами на 100%. Вы мне нравитесь. Я буду и дальше работать на вас. Но я должен защищать партию. Я несу ответственность, которая отличается от вашей».

Прибус согласился выступать, вести агитацию за Трампа и представлять его на митингах. Он воспринимал это как протягивание руки утопающему.

Статья в *New York Times* о несдержанности Трампа на язык стала ударом. «Ах ты черт! — думал Прибус. — Это реальная неприятность». Кампания разваливалась.

Газета вываливала столько всего, что, на взгляд Прибуса, 20 источников информации были попыткой либо сорвать кампанию, либо, как обычно, представить себя в выгодном свете.

Очень опасный момент, возможно самый опасный для Трампа и для партии. Выход был только один — повышение активности на всех фронтах. Максимальная агрессия для прикрытия опасной для жизни слабости.

Воскресным утром Стив Бэннон приехал в Trump Tower на Манхэттене и сообщил охраннику, что у него назначена встреча с г-ном Трампом.

«К сожалению, — сказал охранник, — он никогда не бывает здесь по выходным».

Бэннон позвонил Трампу.

«Привет, — сказал кандидат, — я в Бедминстере». Там находился гольф-клуб Trump National Golf Club. «Раз вы не здесь, я поиграю в гольф. Приезжайте, перекусим вместе. Жду вас примерно к часу дня».

Потом он подробно рассказал, как добраться до этого места в 60 км к западу от Нью-Йорка.

«Я найду дорогу», — сказал Бэннон.

Нет, поверните направо на Рэттлснейк-бридж-роуд, а потом вправо еще пару километров.

«Я найду. Это же ваш Trump National».

Нет, настаивал Трамп, вы должны точно уяснить. Трамп дал полное описание пути, более детальное, чем Бэннон когда-либо слышал от него.

Бэннон, боясь опоздать, сказал водителю, что они должны добраться до места к полудню. В клубе его проводили к столу, накрытому на пять персон.

Вы приехали рановато, — сказал кто-то из персонала. — Остальные будут здесь не раньше 13:00.

«Остальные?» — удивился Бэннон.

«Роджер Эйлс, губернатор Крис Кристи и “мэр” Руди Джулиани тоже будут присутствовать».

Бэннон разозлился. Он приехал сюда не на собеседование перед комиссией. Он и Трамп договаривались заняться делом не для посторонних глаз.

Эйлс, основатель и глава Fox News, а также давний политтехнолог республиканцев — еще со времен Ричарда Никсона, прибыл первым. Он был наставником Бэннона.

«Какого хрена?» — произнес Эйлс и принялся честить кампанию.

«Насколько ужасны цифры?» — спросил Бэннон.

«Это будет полное поражение».

«Я говорил с Трампом вчера вечером, — сказал Бэннон. — Мерсеры тоже говорили с ним. Договорились, что я приду и возглавлю кампанию. Но не говорите остальным об этом».

«Какого хрена? — опять произнес Эйлс. — Ты ничего не смыслишь в кампаниях». Обсуждать тут нечего.

«Я знаю, но сделать вещи более организованными, чем сейчас, может любой».

Хотя Бэннон знал Эйлса уже много лет, он никогда не появлялся в сети Fox News.

Как раз Бэннон заметил: «Я никогда не был на канале Fox потому, что не хотел чувствовать себя обязанным ему... Никогда не просите одолжения у Роджера, иначе он сожрет вас с потрохами».

Это резко отличалось от его отношений с Трампом, который, на его взгляд, был просителем. Трамп неоднократно был участником радиошоу Бэннона Breitbart New Daily на радиоканале SiriusXM в период с ноября 2015 г. по июнь 2016 г.

Эйлс сказал, что они собираются здесь еженедельно для подготовки к дебатам. До первых дебатов с Хиллари Клинтон, намеченных на 26 сентября, было еще полтора месяца.

«Подготовка к дебатам? — удивился Бэннон. — Вы, Кристи и Руди?»

«Сегодня уже второй раз».

«Он действительно готовится к дебатам?» — сказал пораженный Бэннон.

«Нет, он приезжает и играет в гольф, а мы просто болтаем об избирательной кампании и тому подобном. Но мы пытаемся выработать у него привычку».

Вошел руководитель кампании Пол Манафорт.

Бэннон, который называл себя «пламенным популистом», почувствовал отвращение. Манафорт был одет в то, что могло бы подойти для прогулки на яхте, с банданой на голове. Прямой эфир из Саутгемптона!

Появился Трамп и занял свое место. На стол поставили хот-доги и гамбургеры. Диета мечты для 11-летнего мальчишки, подумал Бэннон, увидев, как Трамп расправился с двумя хот-догами.

Прочитав историю из *New York Times*, Трамп заинтересовался у Манафорта, как могла появиться такая статья. Это был один из парадоксов Трампа: он смачно нападал на ведущие СМИ, особенно на *Times*, но, несмотря на жесткую

критику, считал *Times* газетой фактов и в основном верил ее историям.

«Пол, я похож на младенца? — спрашивал Трамп Манафорта. — А почему ты тогда разговариваешь со мной как с младенцем? Ты ужасен на телевидении. У тебя нет энергии. Ты не можешь быть лицом кампании. Это я тебе еще деликатно говорю. Ты больше никогда не появишься на телевидении».

«Дональд...» — попытался ответить Манафорт.

Бэннону показалось, что это фамильярное — по имени — обращение на равных вызвало раздражение у Трампа.

«Вы должны понять одно, г-н Трамп, — сказал Бэннон, — в этой истории ссылаются на множество неназванных источников, мы не знаем, насколько это достоверно».

«Нет, я могу сказать, — возразил Трамп, направляя огонь на Манафорта. — Это от них идет утечка». Он знал, что цитаты были невыдуманными.

«По большей части это невозможно приписать кому-либо», — сказал Бэннон. Никто не назван по имени, все скрыты. «Это *New York Times*, это все гребаное вранье. Бросьте, это все чушь собачья», — продолжил Бэннон свою речь, хотя и знал, что история была правдивой.

Трамп не поддавался. История была прописной истиной, а в кампании участвует куча поставщиков информации. Изничтожение Манафорта продолжалось еще какое-то время. Трамп еще полчаса рассказывал военные истории. Манафорт ушел.

«Никуда не уходи, — сказал Трамп Бэннону. — Это так ужасно. Все совершенно вышло из-под контроля. Этот парень — неудачник. Он действительно не руководит кампанией. Я привлек его лишь для того, чтобы он помог мне пройти процедуру выдвижения кандидатов на партийном съезде».

«Пусть вас не трогают эти цифры, — сказал Бэннон. — Не трогают эти 12 или 16 пунктов при голосовании. Не трогают

колеблющиеся штаты. Все очень просто». Две трети страны считают, что мы взяли неверный курс, а 75% страны — что мы проигрываем. Это создает арену для агента перемен. Хиллари — это прошлое. Это совершенно ясно.

В каком-то смысле Бэннон всю свою сознательную жизнь ждал этого момента. «Вот в чем разница, — объяснял он. — Мы просто будем играть на сравнении и противопоставлении с Клинтон. Вот что вам нужно запомнить». Бэннон еще раз повторил одну из своих мантр: «Элиты в стране нормально чувствуют себя в условиях упадка. Так?»

Трамп кивнул в знак согласия.

«А рабочие в стране — нет. Они упорно хотят вновь сделать Америку великой. Мы упростим эту кампанию. Она — трибун продажных и некомпетентных элит, которые чувствуют себя хорошо в условиях упадка. Вы — трибун забытых людей, которые хотят вновь возвеличить Америку. И мы сделаем это, развивая пару тем.

Номер один, — продолжил Бэннон, — мы остановим массовую нелегальную иммиграцию и начнем ограничивать легальную иммиграцию, чтобы вернуть наш суверенитет. Номер два — вы вернете рабочие места в сфере производства в страну. И номер три — мы прекратим участие в этих бессмысленных войнах за рубежом».

Эти идеи не были чем-то новым для Трампа. Неделю назад, во время выступления 8 августа на заседании Детройтского экономического клуба, он уже высказывал все это и клеймил Клинтон: «Она — кандидат от прошлого. Мы ведем кампанию за будущее».

«Это три большие темы, которым она не может ничего противопоставить, — сказал Бэннон. — Она — часть сил, которые открыли границы, она — часть сил, которые заключили невыгодные сделки и позволили рабочим местам уйти в Китай, а еще она неоконсерватор. Так?»

Трамп, похоже, согласился с тем, что Хиллари принадлежит к неоконсерваторам.

«Она поддерживала все войны, — сказал Бэннон. — Мы просто будем клеймить ее. Вот и все. Просто держитесь этой линии».

Бэннон добавил, что у Трампа есть еще одно преимущество. Его голос звучал не как голос политика. Именно так звучал Барак Обама в 2008 г. во время соперничества с Клинтон, которая изъяснялась, как опытный политик. Темп ее речи был чересчур размеренным. Даже когда она говорила правду, это звучало как ложь.

По словам Бэннона, политики вроде Хиллари не могут говорить естественно. Для них характерна механическая манера разговора, подходящая для опросов и фокус-групп, ответа на вопросы после политических выступлений. Такой разговор убаюкивал, не резал слух, шел не от сердца или глубокого убеждения, а ассоциировался с высокооплачиваемым консультантом, излагающим тезисы.

Трамп согласился и сказал, что теперь Бэннон генеральный директор кампании.

«Мне не нужна шумиха вокруг дворцового переворота, — сказал Бэннон. — Пусть Манафорт останется председателем. У него не будет никаких полномочий. Позвольте мне уладить это».

Они договорились, что Келлиэнн Конуэй — пробивная, прямолинейная республиканка, которая уже помогала в проведении кампании, — будет ответственным руководителем кампании.

«Мы будем выпускать ее на телевидение каждый день для представления женского взгляда на вещи, — предложил Бэннон. — Келлиэнн — боец. И она нравится людям. А что нам нужно — это симпатия».

Потом он добавил: «А я никогда не буду светиться на телевидении».

Конуэй тоже еще не приходилось руководить избирательной кампанией. Таким образом, образовалась троица — яркий неофит-кандидат, генеральный директор кампании и руководитель кампании.

Келлиэнн Конуэй осуществляла надзор за съемкой некоторых рекламных роликов в том месяце.

«И я плачу этим людям?» — спрашивал Трамп у нее.

Он жаловался на процесс съемки. Оборудование казалось устаревшим, и ему не нравилось освещение. Картинка не отвечала стандарту HD. Трамп брюзжал по поводу операторов: «Скажите им, что я не буду платить». Это была обычная ситуация.

Чуть позже он объявил: «Я хочу, чтобы все ушли, кроме Келлиэнн».

«Все говорят мне, что я намного лучше, чем Хиллари Клинтон». — Это было полуутверждение-полувопрос.

«Ну конечно, сэр. Голосование по этому вопросу не требуется». Но они могут делать кое-что иначе. «Вы соревнуетесь с самым постным кандидатом за всю историю президентских выборов. И начинает казаться, что мы тоже становимся таковыми».

«Нет, это не так».

«У меня такое ощущение. Я наблюдала за вами во время праймериз, и вы выглядели намного веселее».

«Я скучаю по дням, когда мы летали по стране, организуя митинги и встречаясь с избирателями», — сказал Трамп.

«Да, эти дни прошли, — признала Келлиэнн. — Однако, честно говоря, было бы хорошо вернуть их в нашу стратегию и процесс, чтобы привнести в них тот опыт и радость».

Она решила говорить прямо: «Вам известно, что вы проигрываете? Но вы не должны проигрывать. Я смотрела на опросы». CNN в тот день понизил его рейтинг до 10 пунктов. «Есть обратный путь».

«Что за путь?»

Она считала, что Трамп сделал что-то, не осознавая этого. «Это выдумка о низких шансах на избрание лишает жизненной силы Республиканскую партию», предположение, что он может не выиграть и не будет избран.

Избиратели разочарованы кандидатами на пост президента от Республиканской партии. Она продолжила свою аргументацию: «Вы должны поддержать Митта Ромни. Он единственный, кто может выиграть. Вы должны поддержать Джона Маккейна. Он может выиграть. Джеб может выиграть. Марко может выиграть. А на этот раз» Трамп «не может выиграть. Так люди решили», а он взял и победил при выдвижении кандидатов от Республиканской партии.

«Вы привлекли эти массы там, где не проводили традиционной политической кампании. Вы начали движение. А людям нравится, когда они часть чего-то. За вход платить не надо. Я скажу вам, что увидела в опросе. У нас два серьезных препятствия». Она сказала, что им никогда не нужно делать общенациональных опросов. «Это глупое изобретение средств массовой информации», которые занимаются такими опросами. Победа — это вопрос распределения голосов в коллегии выборщиков, это получение 270 голосов. Необходимо сосредоточиться на определенных штатах, примерно восьми колеблющихся штатах.

«Людям нужна конкретика», — сказала Конуэй. Было здорово, когда в июле Трамп обнародовал свой план из 10 пунктов по реформированию администрации по делам ветеранов или объявил о плане налоговой реформы из пяти пунктов. «Люди хотят такой конкретики, однако нужно повторять ее снова и снова».

«Второе препятствие, на мой взгляд, заключается в желании людей иметь уверенность в том, что вы способны выполнить свои обещания. Поскольку если вы не можете добиться результата, если *бизнесмен* не может заключить и исполнить сделку, то он просто очередной политик».

Это была коммерческая задача — путь, который Трамп знал очень хорошо.

«Ты считаешь, что сможешь организовать это?» — спросил он.

«Что “это”? — поинтересовалась Келлиэнн. — Я занимаюсь организацией этой фотосессии».

«Кампанию, — ответил Трамп. — Всю целиком. Готова ли ты забыть о своих детях на несколько месяцев?»

Она согласилась без промедления: «Сэр, я могу сделать это для вас. Вы можете выиграть эту гонку. Я не считаю себя вашей ровней. Я никогда не буду обращаться к вам по имени».